

Дуань И, едва дойдя до главного зала, увидел облаченного в лиловые одежды евнуха с опахалом из конского хвоста в руке. Кто это мог быть, если не Ван Фуси?

— Какая честь для меня принимать евнуха Вана, — Дуань И сложил руки в приветственном жесте перед Ван Фуси, и тот ответил легким поклоном, после чего осведомился:

— Молодой господин уже вернулся?

— Вернулся, — ответил Дуань И. — Только у него жар, выпил лекарства и лег спать. Разбудить его?

При этом он сделал вид, будто собирается пойти и поднять больного.

— Не нужно, — остановил его Ван Фуси. Оглядевшись по сторонам, он многозначительно посмотрел на Дуань И, и тот сразу всё понял — велел слугам удалиться.

— У вас есть что мне сказать, евнух Ван? — спросил Дуань И.

— Лекарство для молодого господина приготовил господин Дуань?

Дуань И кивнул.

— Тогда господин Дуань всё знает?

Лицо Дуань И посуровело.

Ван Фуси вздохнул и извлек из рукава коробочку:

— Это бело-нефритовая мазь, которую преподнесли в дань Гэло. Превосходное средство от синяков и отеков, передайте ее молодому господину.

Сам он не участвовал в делах при дворе и мало что смыслил в придворных интригах, генерал Нин, старший брат Нин, находился далеко в Дунчжоу, второй брат Нин тоже был отправлен в Линнань — все они были слишком далеко, чтобы помочь, а сам Нин Синчжи упорно хранил молчание. Дуань И буквально сходил с ума от беспокойства.

Дуань И с улыбкой попытался ее успокоить:

— Матушка, правда, всё в порядке, успокойтесь. Наверное, в последнее время в городе просто неспокойно. Побудьте пока дома для душевного спокойствия, пейте чай, берегите здоровье. Вот настанут мирные времена — тогда и выйдете, хорошо?

Ван Фуси покачал головой:

— О делах высоких особ мне судить не положено. Господин Дуань, позаботьтесь о молодом господином должным образом. Его Величество дал юному господину семь дней на восстановление, а через семь дней он должен явиться в гарнизон для прохождения службы.

— Матушка, что случилось? Вы нездоровы? — встревожился Дуань И, заметив дурной цвет лица госпожи Нин.

Тот протянул Дуань И императорский указ:

— Поскольку молодому господину нездоровится, зачитывать указ я не стану. Как он проснется, передай его ему.

Ван Фуси указал на стоявший неподалеку поднос, накрытый ярко-желтой шелковой тканью:

— Здесь чиновничье облачение и рыбный кошель. Больше я не буду вас утруждать.

Нин Синчжи спал крепким сном. Дуань И приложил руку к его лбу — жар спал. Сидя на краю постели и глядя на спящего, Дуань И думал о том, что, как бы он ни успокаивал госпожу Нин, на душе у него самого скребли кошки.

— Евнух уже уходит? — удивился Дуань И, ведь госпожа Нин еще даже не подошла.

— Это подарок от Вашего Величества для А Чжи? — Дуань И принял мазь и осторожно задал вопрос. Он прекрасно знал о чувствах Нин Синчжи к Не Сюаню. Если бы его преданность наконец получила отклик, многолетние муки безответной страсти не пропали бы даром.

— Мне нужно возвращаться к услужению Вашему Величеству, так что я пойду, — ответил Ван Фуси.

Успокоив госпожу Нин, Дуань И вернулся к постели Нин Синчжи.

— Приходил евнух Ван Фуси, — сказал Дуань И. — Он побеспокоился о здоровье А Чжи, оставил кое-что и ушел.

Дуань И мгновенно всё понял и не удержался от вопроса:

— Евнух, что в конце концов произошло три года назад?

Ван Фуси промолчал.

— Вот как... — Госпожа Нин обессиленно опустилась на стул, глядя на лежащие рядом поднос и императорский указ. Она хотела развернуть его и заглянуть внутрь, но в последний момент передумала. Сама она не могла объяснить почему, но на душе у нее было беспокойно.

Госпожа Нин покачала головой, но, глядя на Дуань И, снова расплылась в тревожной улыбке:

— Иэр, с А Чжи ведь правда всё хорошо? Не знаю, почему, но на сердце у меня смутная тревога.

Дуань И проводил Ван Фуси до самых ворот. Тот остановился и сказал:

— Господин Дуань, не провожайте дальше, вернитесь.

Затем он бросил взгляд во двор и добавил понизившемся голосом:

— Император взошел на престол недавно, государственные устои еще не крепки, на улице нынче беспокойно. Без крайней необходимости не выпускайте госпожу Нин со двора.

Когда Дуань И вернулся, госпожа Нин уже привели себя в порядок и торопливо вышла ему навстречу. Увидев, что он один, она изумленно спросила:

— Куда же он делся?

— Благодарю евнуха за заботу, — ответил Дуань И, попрощался с Ван Фуси и, проводив его взглядом, повернул назад.

Госпожа Нин тяжело вздохнула и все же кивнула.

Когда Нин Синчжи проснулся во второй раз, уже начинало смеркаться. В комнате зажигать огонь не стали, и в полумраке у кровати смутно угадывался чей-то силуэт.

По дворцу ползли самые разные слухи, и было неизвестно, когда они доберутся до внешнего мира. Хотя госпожа Нин понимала, что это неизбежно, чем позже она узнает правду, тем меньше будет терзаться.

Нин Синчжи потребовалось какое-то время, чтобы привыкнуть к полумраку и разглядеть Дуань И.

— Почему ты до сих пор здесь? — Нин Синчжи попытался сесть, но тело казалось налитым свинцом, в нем не было ни капли сил.

Дуань И ничего не ответил и молча бросил на постель коробочку с бело-нефритовой мазью.

Нин Синчжи взял ее в руки и посмотрел:

— Что это?

— Евнух Ван принес. Лекарство, привезенное в дань из Гэло, от отеков и синяков.

Дуань И намеренно сделал суровое лицо, и Нин Синчжи сразу понял, что тому всё известно.

Он горько улыбнулся:

— Ты уже всё знаешь?

Глаза Дуань И покраснели:

— У других юношей из знатных семей еще в детстве появляются наложницы для утех. Ты же столько лет жил без этого, а теперь вот-вот отпразднуешь общую церемонию совершеннолетия, ты...

— Но ведь он сам позволил мне попросить о чем угодно... — Нин Синчжи опустил голову, глядя на зажатую в руке баночку с мазью, и его голос упал. — Я боялся, что если упущу этот шанс, другой возможности уже не представится.

— И ради этого ты решил распрощаться с жизнью?! — Дуань И чуть ли не скрежетал зубами от злости.

Нин Синчжи с трудом криво усмехнулся:

— А вдруг наставник ошиблся в расчетах?

Дуань И тяжело вздохнул, чувствуя, что слова застряли в горле. Раз уж всё зашло так далеко, какой смысл теперь упрекать?

— Ты целый день ничего не ел, поешь немного, — Дуань И поднялся, велел слуге подать припасенную теплую кашу и снова сел у изголовья. — Евнух Ван велел передать, чтобы через семь дней ты явился в гарнизон для несения службы.

— Мм.

— Указ и чиновничье платье лежат на столе.

— Хорошо.

— Какую должность он тебе дал?

— В указе всё написано, возьми и почитай.

— Сказал бы прямо.

Нин Синчжи вздохнул:

— Я и сам толком не знаю названия должности, знаю лишь, что это генерал.

Не зная, что и делать, Дуань И зажег лампу, развернул свиток императорского указа, и его брови тут же сошлись на переносице.

Заметив перемену в лице друга, Нин Синчжи спросил:

— Что там?

Дуань И протянул указ Нин Синчжи. Тот неторопливо дочитал до конца, свернул свиток и легко усмехнулся:

— Генерал Лечной стражи Фэнчэнь. Неплохо, буду к нему поближе.

— Ты что, совсем не понимаешь, что это значит? — возмутился Дуань И.

Нин Синчжи ответил:

— На сегодняшнем утреннем докладе он уже объявил об этом. По-твоему, мне следовало просить его отменить решение или открыто пойти против воли государя?

— Ты мог бы отказаться от чина!

Нин Синчжи промолчал, не отрывая взгляда от Дуань И.

Дуань И обессиленно рухнул на стоявший рядом стул:

— Семья Нин верой и правдой служила государству из поколения в поколение! Как он мог так с тобой поступить?

Нин Синчжи невидящим взглядом смотрел перед собой:

— Это я перед ним виноват.

Дуань И всматривался в лицо Нин Синчжи, отчаянно пытаясь разглядеть в нем черты того самого дерзкого, необузданного и свободолюбивого юноши, каким тот был прежде, но все его старания были тщетны. Не выдержав, он снова задал вопрос:

— Что всё-таки произошло три года назад? Как вы дошли до такой жизни?

Нин Синчжи покачал головой. Он дал слово вдовствующей императрице молчать, а значит, не скажет никому. Благородный муж держит слово, даже если ему грозит смерть — он не отступит. И хотя сам Нин Синчжи не смел называть себя благородным мужем, он все же не был подлым предателем, нарушающим клятвы.

Нин Синчжи провел дома в постельном режиме целую неделю, и его здоровье в целом пришло в норму. Хотя прежней пиковой формы достичь еще не удалось, силы постепенно возвращались.

Ранним утром Нин Синчжи, облаченный в парадные одежды, собрался в гарнизон. Едва дойдя до выхода, он увидел ожидавших его у ворот госпожу Нин и Дуань И — оставалось лишь гадать, сколько времени они здесь простояли.

— Матушка, — Нин Синчжи остановился, не смея поднять глаза на мать.

Узнав о его назначении, госпожа Нин умоляла его отказаться от должности, говоря, что лучше прожить жизнь праздным гулякой, чем быть заживо зажаренным на медленном огне. Но Нин Синчжи не соглашался, да и не смел послушаться.

Госпожа Нин не стала упрекать сына — она просто молча плакала.

Все эти дни Нин Синчжи избегал встреч с матерью, надеясь уйти тайком с рассветом, но никак не ожидал, что она будет ждать его здесь.

Ничего не сказав, госпожа Нин подошла к сыну, поправила на нем воротник и через силу улыбнулась:

— В этом наряде мой мальчик выглядит просто лихо.

— Матушка, — Нин Синчжи не ожидал, что она так быстро сдастся.

Госпожа Нин похлопала его по плечу:

— Ну всё, ступай скорее, нечего людям языки чесать.

От этих слов у Нин Синчжи тяжело сжало грудь: сплетни наверняка уже наполнили весь город. Он выдавил улыбку, стараясь скрыть от матери истинные чувства, и произнес лишь:

— Я понял.

Затем, помедлив, добавил:

— В последнее время в городе неспокойно. Если понадобятся какие-то дела, матушка, поручайте их старшему брату, а сами из дома не выходите.

Улыбка застыла на губах госпожи Нин:

— Хорошо.

Новый император взошел на престол, остатки прежней клики были зачищены — насколько же неспокойно могло быть на улицах, раз об этом приходилось напоминать снова и снова? Госпожа Нин от природы не любила праздные прогулки, но после таких слов Нин Синчжи и Дуань И ее сердце невольно затрепетало от дурных предчувствий.

Едва Нин Синчжи переступил порог гарнизона, тренировавшиеся стражники разом замерли, устремив на него взгляды.

Все они были юношами шестнадцати-семнадцати лет, а те, что постарше, едва дотягивали до двадцати. Каждый отличался выдающейся внешностью, и многие происходили из знатных столичных семей. В это место они пришли в надежде прислуживать при дворе самого Сына Неба, заслужить его благосклонность и взлететь на вершину успеха.

На фоне этих стражников восемнадцатилетний Нин Синчжи, уже стоявший над ними по званию, казался чужаком.

— Ты и есть Нин Синчжи? Тот самый новый генерал? — раздался голос из прохладного угла.

Один из стражников, отлынивавших от тренировки, разглядывал Нин Синчжи своими огромными чистыми глазами. Нин Синчжи узнал его с первого взгляда — это был Цзи Сю, избалованный внук Ханьго-гуна, главный столичный гуляка. Из-за своего пристрастия вечно

влипать в неприятности Ханьго-гун сослал внука в гарнизон, надеясь как следует вышколить парня. Однако все стражники до смерти боялись гнева Ханьго-гуна, а потому никто не смел гонять Цзи Сю — напротив, его баловали и кормили на убой.

Нин Синчжи одарил Цзи Сю легкой улыбкой. Он как раз ломал голову над тем, как бы получше влиться в этот коллектив, а тут Цзи Сю сам шел ему в руки.

— Все заняты на тренировке, — произнес Нин Синчжи. — Почему ты праздностишь?

Цзи Сю на мгновение опешил, а затем вытаращил глаза от изумления. Он, величайший гуляка Сицзина, а кто-то его не узнал?! Сам-то он знал о дурной славе Нин Синчжи, так почему же этот выскочка посмел не знать его?!

Вскочив на ноги, он ткнул пальцем себе в грудь:

— Ты меня не знаешь? Ты меня не знаешь, я спрашиваю?!

Нин Синчжи улыбнулся:

— Знаю. Единственный прямой внук Ханьго-гуна, первый гуляка Сицзина.

Услышав, что Нин Синчжи осведомлен о его персоне, Цзи Сю немного сбавил градус гнева. Задрав подбородок, он заявил:

— Раз уж тебе известно, кто я такой, должен понимать, что со мной шутки плохи.

— Какое совпадение, — улыбка Нин Синчжи стала еще шире. — Со мной тоже.

— Это еще что значит? — Цзи Сю почуял, что связался с крепким орешком.

Нин Синчжи произнес:

— Я даю тебе два выбора: либо прямо сейчас ты присоединяешься к общей тренировке, либо получаешь десять палочек военных ударов и идешь отдыхать.

— Ты спятил? — Цзи Сю вытаращил глаза от изумления. — Ты же знаешь, кто я, и все равно смеешь так со мной разговаривать?

— Я считаю до пяти. Если не сообразишь до конца счета, я выберу за тебя.

Не дожидаясь ответа, Нин Синчжи начал отсчет.

Наблюдавший за этим представлением средний военачальник Ся Фэйгуан наконец не выдержал. Яростно сверкнув глазами в сторону Нин Синчжи, он с презрением бросил:

— Генерал Нин! Это вам не место для самоуправства!

— О? — Нин Синчжи приподнял бровь и пронзительно посмотрел на Ся Фэйгуана. — Предыдущий генерал Лечной стражи Фэнчэнь казнен за преступления, военачальник Ся временно исполняет его обязанности, и при этом вы позволяете какому-то счастливчику бесчинствовать в гарнизоне и рушить воинскую дисциплину! При таком попустительстве — какое наказание вы заслуживаете?!

<http://bllate.org/book/22060/2293773>